

ИЗ «СЛОВ ПОДВИЖНИЧЕСКИХ»
ПРЕПОДОБНОГО ИСААКА СИРИНА

→ Из слова первого

Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напоеваешь себя изучением словес Божиих, это помогает преспеянию в нищете, а преспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преспевать в изучении словес Божиих. Посobie же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей.

Когда умножилась в человеке благодать, тогда по желанию праведности страх смертный делается для него малоуважительным, и много причин находит

он в душе своей, по которым ради страха Божия должно ему терпеть скорбь. Все, что по-видимому вредит телу и внезапно действует на природу, а следовательно, приводит в страдание, ни во что вменяется в очах его в сравнении с тем, чего надеется в будущем. Без попущения искушений невозможно познать нам истины. Точное же удостоверение в этом находит человек в мысли, что Бог имеет о человеке великое промышление и что нет человека, который бы не состоял под Его Промыслом, особливо же ясно, как по указанию перста, усматривает сие на взыскавших Бога и на терпящих страдания ради Него. Но когда увеличилось в человеке оскудение благодати, тогда все сказанное оказывается в нем почти в противоположном виде. У него ведение, по причине исследований, бывает больше веры, и упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке понимается иначе. Таковой человек постоянно подвергается в этом козням подстерегающих *во мраце состреляти* (ср.: Пс. 10: 2) его стрелами своими.

Начало истинной жизни в человеке — страх Божий. А он не терпит того, чтобы пребывать в чьей-либо душе вместе с парением ума, потому что служением чувствам сердце рассеивается, утрачивая в себе услаждение Богом.

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали. Нет человека, который бы с переменою обстоятельств не ощутил в уме своем перемены в отношении к подлежащему делу. Ежели вожделение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут, наконец, утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

Для отвращения предзанятых душою расположений к непотребству и для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, производящих мятежный пламень, ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению Божественного Писания и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словах премудрости, тогда человек в какой мере извлекает из них уяснение, в такой же оставляет позади себя мир, забывает все, что в мире, и все воспоминания, все действенные образы овеществления мира изглаждает в душе, а нередко уничтожает самую потребность обычных помыслов, посещающих природу. Сама душа пребывает в восторге при новых представлениях, встречающихся ей в море таин Писания.